

Я.А. Сексте

ГУСТАВ IV И ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА: ИСТОРИЯ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ БРАЧНОГО СОЮЗА

17 марта 1792 г. шведский король Густав III погиб от рук убийцы, бывшего капитана лейб-гвардии Анкарстрема, считавшего монарха своим личным врагом¹.

Наследником шведской короны являлся молодой кронпринц Густав IV Адольф, регентом до наступления совершеннолетия — герцог Карл Зюдерманландский. В этот период времени отношения между российским и шведским дворами были непростыми. Россия требовала от Швеции отступить от своего нейтралитета или принять участие в коалиции, прервав торговые отношения с Францией. Интересно, что французский посланник в Петербурге Ш. Массон говорил о том, что «императрица хотела сама стать регентшей при малолетнем сироте — короле Густаве IV, взяв его вместе с королевством на свое материнское попечение»². Но герцог Карл сумел взять бразды правления в свои руки. Это еще больше усложнило отношения между венценосными особами России и Швеции. В таком положении дел интриги графа Г. Армфельда, бывшего фаворита Густава III, не могли не возбуждать сильного подозрения и в виду постоянного вмешательства России во внутренние дела Швеции «могли привести к войне или подчинению Швеции могущественной соседской державе»³.

Угрожавшую опасность можно было предотвратить только сильным средством. Таковым представлялся брак с русской великой княжной. Мысль о браке возникла еще в 1792 г. во время встречи Густава III и Екатерины II. Этот вопрос приобрел характер секретного мероприятия. В переписке А.В. Суворова с графом Д. Хвостовым звучит мысль, что «союз этот свят» и поддержит самодержавие в Швеции, «чтобы аристократы шведские не разились французскою горячкою»⁴. Дело не обошлось без посредника. Им по стечению обстоятельств стал еврей Виталь, прибывший в Швецию в 1792 г. и величавший себя бароном и португальским дворянином, получивший доступ к герцогу-регенту через придворного канцлера Энгельстрема. Получив определенные инструкции по этому делу, Виталь направился в Петербург для того, чтобы встретиться с императрицей. Екатерина не приняла у себя Виталья, но просила изложить суть письма, с которым он прибыл. Без

помощи графа К. Стединга императрица не смогла понять «премудрости» слога Виталья, и Стединг объяснил, что дело касается сватовства⁵.

15 мая 1793 г. императрица написала письмо герцогу Карлу следующего содержания: «Так как присланное им (Виталем. — Я.С.) на немецком языке послание крайне для меня темно, то и осталась я в прежнем своем неведении и т.д.». Однако в заключении этого письма можно причитать такие строки: «Спешу уверить ваше высочество в моем соответствующем вашему желанию видеть еще более тесными те кровные и дружеские связи, которые существуют между нашими домами»⁶.

К 1793 г. русско-шведские отношения приняли более дружественный характер. Это отразилось и в переписке между Екатериной и герцогом Карлом: ее тон стал более дружелюбным⁷. Посланником в Швецию был назначен граф С.П. Румянцев, пользовавшийся первоначально большим уважением. Граф Рейтергольм вновь поднял вопрос о браке. Доверенным лицом в переговорном процессе было избрано нейтральное лицо, граф Стенбок, так как отношения между Рейтергольмом и Стедингом оставляли желать лучшего. Граф Стенбок был молод, честен, но не обладал опытом дипломатической работы. Однако в тот момент более подходящей кандидатуры не нашлось.

Вопрос о браке был поднят с той целью, чтобы снискать расположение Екатерины II относительно решения других не менее важных вопросов. Графу Стенбоку было поручено добиться от петербургского кабинета признания за Швецией права нейтралитета в военное время и возобновления субсидий, которые Россия по договору обязалась давать Швеции. Договор был подписан еще 8 (19) октября 1791 г. Субсидии прекратились потому, что Швеция не желала вместе с Россией участвовать в общих планах по французскому вопросу⁸.

В начале января граф Стенбок прибыл в Петербург. Екатерина беседовала с ним в Эрмитаже по поводу брака. Стенбок заверил императрицу в серьезности намерений регента и наследника. Граф Марков в разговоре со Стенбоком говорил о своей расположенности к Швеции, о том, что императрица склонна пойти на уступки шведскому двору. Граф Стакельберг постарался, чтобы переговоры о браке шли через П. Зубова, фаворита императрицы. Зубов в разговоре со Стенбоком, с одной стороны, уверял его в готовности императрицы довести дело до конца, но с другой — он не скрывал той антипатии, с которой при русском дворе относились к фавориту регента Рейтергольму. Армфельд, например, распускал слух о Рейтергольме как об отъявленном якобинце. Стенбок пытался разубедить императрицу

в этом мнении, но императрица с недоверием отнеслась к Рейтергольму, который состоял в оппозиции к Густаву III. Поэтому П. Зубов лишь передавал слова и мысли императрицы, которыми она с ним делилась. Зубов и Стенбок говорили, что только действия Армфельда в деле заключения мира между Россией и Швецией не дают императрице морального права «воздать ему по заслугам». Зубов постарался уверить Стенбока в том, что все былые обиды остались в прошлом.

На балу Александра Павловна танцевала с графом Стенбоком два мезуэта, что взволновало весь дипломатический корпус: такой чести не удостоивались даже послы. Весной 1794 г. поступило предложение регента о возможном приезде в Россию, императрицу не совсем устраивала эта дата, но она уступила и готова была пригласить регента и короля в Петербург.

В шведских газетах по внушению Рейтергольма был опубликован протокол Шведского государственного совета от 9 апреля 1794 г., в котором заявлялось, что Армфельд находился в переписке с одной иностранной державой, которую побуждал послать свой флот к Стокгольму. Этой державой могла быть только Россия. Екатерина была разгневана подобной выходкой шведского двора. В письме императрицы к регенту говорилось о том, что последующие переговоры о браке невозможны, пока регент не даст ей объяснения относительно этих лишенных оснований подозрений⁹. Швеция попыталась восстановить дружественные отношения с Россией. И в августе 1794 г. переговоры о браке возобновились. В 1795 г. они вновь были прерваны, так как императрица отказалась выдать шведской стороне Армфельда.

Кроме того, выяснилось, что неудовольствие между дворами возбуждал русский представитель в Стокгольме граф Румянцев своими высокомерными выходками. Рейтергольм опубликовал в 1794 г. известный протокол, в котором, кроме всего прочего, были опубликованы примеры неуважительного отношения графа Румянцева к Рейтергольму. Екатерина вынуждена была отозвать его из Стокгольма. Граф Рейтергольм из желания досадить императрице начал искать другую кандидатуру для брака с Густавом. Поступило много ответных предложений, в том числе от курфюрста Саксонского, но выбор молодого короля остановился на мекленбург-шверинской принцессе Луизе Шарлоте. Они обменялись портретами. Луиза Шарлота очень дорожила портретом короля и даже начала изучать шведский язык, достигнув на этом поприще определенных успехов.

1 (12) ноября 1795 г., в день рождения короля, состоялась его помолвка. Весть о помолвке была направлена ближайшим дворам — датскому, прус-

скому и российскому. По воспоминаниям К. Стединга, Екатерина была расстроена этим посланием, ее женское самолюбие было уязвлено. Уладив польские дела с Пруссией, она устремила свое внимание на Швецию. Посол Швеции барон Шверин принят не был. Рейтергольм и Стединг находились в недоумении. Раздражение первого министра Швеции не имело границ.

Посланником в Стокгольм назначен барон Будберг, который отличался высокомерием и плебейскими манерами. Он не снимал шляпы там, где все были с непокрытыми головами. Прошел слух, что шведский король не имеет ни малейшей склонности к браку с мекленбургской принцессой.

В Стокгольм был послан генерал Будберг, дядя поверенного в делах Швеции, который занимался поиском сторонников брака шведского короля и русской великой княжны. Их было немало: граф Аксель Ферзен, генерал Таубе и эмигранты граф и графиня Сен-При¹⁰.

Стало известно, что Густав IV после помолвки с мекленбургской принцессой влюбился во фрейлину Модэ, даже решил соединиться с любимой узами законного брака, отказавшись от престола. Кроме того, короля преследовали слухи о его незаконном рождении. Екатерина II прямо писала барону Гриму М. 10 апреля 1795 г.: «Я говорила и покойному королю, и всем, кто только хотел слушать, что если отец признает ребенка за своего сына, то никто уже не имеет права оспаривать, тем более что у короля больше власти, чем у всякого другого отца»¹¹.

В этот период из Швеции поступали сведения о неадекватном поведении короля. Мунк вспоминал, что после поездки в Шонский лагерь «король будто бы болтал бессвязные речи и после рыданий внезапно переходил к дикому хохоту». Вспоминали, что странность молодого короля определялась в детстве в играх со сверстниками: наследник заставлял их составлять против себя заговор, который заканчивался его самоубийством.

Юноша был очень влюбчивой натурой и до своей страсти к фрейлине Модэ влюбился в красавицу графиню Софию Пипер (вышла замуж за графа Ферзена). Позже слух о том, что истинная внешность мекленбургской принцессы имеет малое сходство с портретом (кривая, маленького роста, уродлива), довел короля до истерики. Он отослал обратно ее портрет и потребовал вернуть свой.

Отношения между двумя странами стали ухудшаться. Весной 1796 г. Швеция стала вооружаться для отражения нападения России. Вся финляндская армия была выдвинута к границе. Денег на военные действия не было. Французский конвент приостановил выплату субсидий Швеции. Россия

была вынуждена прибегнуть к другим мерам. В Стокгольм был отправлен Фердинанд Кристин, эмигрант из Франции, бывший секретарь и корреспондент французского министра Калонна, человек с обширными связями. Кристин при поддержке генерала Будберга должен был вновь поднять вопрос о браке короля с великой княжной. Несмотря на то что Кристин очень деликатно и дипломатично завел разговор о браке и исходе русско-шведских отношений, первая его встреча с Рейтергольмом не дала очевидных результатов. Последний принял Кристина очень сухо. Разговор то заходил в тупик, то вновь продолжался.

Рейтергольм поднял вопрос о греческой вере Александры Павловны, сравнив этот случай с историей французского короля Генриха IV, который изменил веру. Кроме того, он был недоволен несогласием императрицы наградить Стединга пожалованным ему регентом орденом св. Серафима.

Этот разговор был передан императрице, и она сочла его личным оскорблением. Кроме того, она пообещала не мириться со Швецией, пока Рейтергольм находится на министерском посту. Слухи о готовности России начать войну против Швеции с захвата о. Готланд, уничтожения Свеаборгской крепости были сильно раздуты некоторыми представителями дипломатического корпуса. Регенту советовали даже удалить Рейтергольма с министерского поста. Шведскому министру необходимо было выбрать: или война с Россией, или согласие на брак.

Главные условия России состояли в следующем: разорвать союз с Францией и помолвку с мекленбургской принцессой. Екатерина пригласила герцога и короля в Петербург, когда дело о разрыве помолвки с мекленбургской принцессой было решено¹².

Приглашение не слишком понравилось стокгольмскому кабинету. Герцог искренно не любил Екатерину и рассматривал поездку как повод для обвинения шведов в трусости перед русским двором. А потеря лица в этом случае была неприемлема для герцога. Сам король не хотел ехать: это выглядело как приказ императрицы явиться ко двору и взять ее внучку в жены. Рейтергольм разделял общее мнение, но поездка была единственным способом примириться и заключить с Россией крепкий союз. Брак — твердый оплот от опасности, угрожавшей Швеции и королевскому двору со стороны Французской революции. Стединг уговаривал Рейтергольма пойти на уступки. Брак мог укрепить его авторитет и власть при двух дворах благодаря признательности короля и русской княжны. Модэ и Пипер должны были убедить короля пойти на этот шаг. 5 августа 1796 г. был отправлен ответ на приглашение императрицы.

24 августа 1796 г. герцог и король прибыли в Петербург вместе с баронами Рейтергольмом, Флемингом и Эссенем, обер-камергерами графами Ферзенем и Стенбоком, теми, кто принимал непосредственное участие в этом многообещающем деле. 26 августа состоялся прием в Эрмитаже, на котором произошло знакомство шведских гостей с императрицей, Павлом Петровичем, Марией Федоровной, Александром, Константином и с их супругами. Александра Павловна понравилась королю, который приехал под именем графа Гаги. Александре Павловне было 14 лет. Она отличалась красотой, высоким ростом, грациозностью, простотой в обращении. От взоров двора не скрылся факт их взаимной симпатии друг к другу. В Таврическом саду король сделал предложение великой княжне. Оставалось решить политическую сторону этого брачного союза. Переговоры проводились между Рейтергольмом и Стедингом, с одной стороны, и Остерманом, Зубовым, Безбородко и Марковым — с другой.

По условиям Дротнинггольмского трактата Россия обязалась выдавать Швеции ежегодно по 300 тыс. руб. и сверх того выплатить ей с 1793 г. удержанную субсидию в размере 1 млн 50 тыс. руб. Кроме того, русский кабинет обещал всячески содействовать полюбовному урегулированию границ в пользу Швеции, заключить торговый трактат и предоставить Швеции право вывоза из русских портов до 50 тыс. четвертей хлеба (по секретным статьям). Все остальные статьи сохраняли неизменными все положения Дротнинггольмского трактата 1791 г.

На 21 сентября был назначен день обручения.

Петербургский двор уже праздновал успех этого мероприятия. Так, например, Г.Р. Державин послал князю Н.Б. Юсупову «Песнь на случай помолвки»¹³.

Предложения императрицы, сделанные герцогу Зюдерманландскому, были оформлены в виде пунктов. В них говорилось о том, что бракосочетание должно состояться по обрядам лютеранской церкви. Король разрешил Александре Павловне иметь во дворце маленькую молельню, где она может соблюдать обряды православной церкви. Кроме того, Александра Павловна обязалась принимать участие во всех лютеранских церемониях, где она обязана была быть с королем.

Король в последний момент в доме у генерала графа Самойлова на балу попросил императрицу удалиться с ним в кабинет. Разговор шел о невозможности сочетаться браком по традиции лютеранской церкви, если невеста не примет лютеранскую веру. Король на совещании в присутствии регента, Стединга и Екатерины твердо настоял на этом пункте, нарушив тем

самым формальный договор с императрицей. Позже Густав взял свои слова обратно и был готов продолжать следовать мнению своих министров и Екатерины.

Некоторые историки видели главную причину непонятного поведения короля в его романтической и увлекающейся натуре. Уверяют, что после разговора с женой Александра Павловича Елизаветой Алексеевной он был пленен ее красотой и перестал замечать свою нареченную невесту. Регент, свита, Елизавета Алексеевна переключили его внимание на сестру Елизаветы Алексеевны — принцессу Баденскую. Король долго рассматривал ее портрет, а через год женился на принцессе. Все императорское семейство выказало холодность Елизавете Алексеевне. Сам Густав ссылаясь на статью Норчепингского договора от 1604 г., по которой наследник, вступив в брак с иноверкой, лишался престола¹⁴.

Флеминг, воспитатель и любимец короля, к которому обратились за помощью, не согласился уговорить короля нарушить закон. Для молодого, колеблющегося, неуравновешенного юноши это был очень важный факт. Недальновидность также проявилась в требовании к королю подписать в день бракосочетания формальное письменное обязательство по вопросу о вероисповедании Александры Павловны. Некоторые историки видят в этом деле явные происки датской короны, так как союз Швеции и России не сулил для Дании ничего хорошего. Под угрозой шведского захвата могла оказаться датская Норвегия.

Императрица Екатерина позже призналась, что «ночь (с 27 на 28 июня 1762 г.) ничто в сравнении с тою, которую она провела», пытаясь благополучно разрешить это дело¹⁵.

Екатерина II вспоминала: «Великая княгиня-мать полагала, что король чувствует сильное расположение к ее дочери, потому что он часто говорил с нею довольно долго шепотом. Теперь я разузнала, какого рода были это разговоры. Оказывается, что он говорил вовсе не о своих чувствах, и что беседы эти касались исключительно веры. Он старался совратить ее в свое вероисповедание, взяв с нее слово никому не говорить о том. Он выражал намерение сам читать ей Библию и сам объяснять ей догматы; говорил, что в день ее коронавания она должна приобщиться с ним вместе и пр. Она отвечала, что ничего не сделает без моего согласия»¹⁶.

К. Стединг уговаривал короля одуматься и пойти на сделку с императрицей ради мира с Россией. Но король заговорил о созыве собора духовенства в Швеции для окончательного решения этого вопроса.

26 сентября прекратились отношения между русским двором и шведскими министрами, но частные переговоры продолжались. Регент уверял императрицу, что статья о вероисповедании будет подписана. Король не отрицал того, что готов пойти на это, но лишь с согласия архиепископа и консистории. Уговорить короля были посланы гр. Безбородко и другие вельможи, но Густав решительно отказался подписать договор, найдя в нем противное законам своей страны¹⁷.

1 октября 1796 г. состоялся отъезд короля и его свиты. Екатерина милостиво допустила короля и свиту к своей руке.

Стединг больше не был зван на вечерние собрания, которые проходили в Эрмитаже, хотя ранее он был желанным гостем. Императрица частично возложила на него вину за неудачный исход этого дела. После отъезда короля императрица долгое время не являлась публично. Вопрос о бракосочетании не сошел с повестки дня. Екатерина II готова направить в Швецию графа Головкина для того, чтобы он поднял вопрос о присоединении Норвегии к Швеции, если вопрос о вероисповедании будет решен положительно.

Но архиепископ, д-р Мюррей и другие богословы Стокгольма настаивали на браке короля с представительницей королевской фамилии лютеранского вероисповедания. Головкин был любезно принят при дворе, а генерал барон Клингспор направился в Петербург для продолжения переговоров о браке.

8 ноября 1796 г. императрица Екатерина II скончалась.

Император Павел Петрович хорошо принял Клингспора. Он ненавидел датский двор за то, что он по настоянию своей матери должен был отказаться в пользу Дании от своего родового наследия, ненависть перешла к нему от отца Петра III, герцога Голштейн-Готторпского. Павел воспринял переговоры о браке и судьбе Норвегии с благосклонностью и энтузиазмом. Император был готов послать на помощь Швеции 50 тыс. русских солдат. Но уступки по религиозному вопросу не делала ни та, ни другая сторона.

Шведский канцлер Спарре писал Густаву IV: «Ежели союз, скрепленный браком с великой княжной, счастливо состоится, то мне представляется, что счастье и благоденствие государства будет на долгое время обеспечено; в противном случае опасность и, может быть, падение его в недалеком будущем уже определено... Мы окружены с одной стороны соседом, могущественным на море и на суше, который может считать себя в праве мстить за оскорбление, нанесенное его собственной особе, с другой стороны, соседями, враждебно расположенными к нам и ревнивыми, дышащими вероломством и помышляющими о завоеваниях»¹⁸.

Вскоре Густав решительно закончил все переговоры, показав решение архиепископа Троиля, который видел опасность женитьбы короля на иноверке. В апреле 1797 г. Клингспор возвращается в Швецию. Стединг 19 июня 1797 г. попытался в очередной раз продолжить переговоры о браке. Но эта попытка была последней и самой безуспешной. Король стал подыскивать другую невесту. Густав отправил своего поверенного барона Эверта с поручением просить руки сестры Елизаветы Алексеевны — Баденской принцессы Фредерики Доротеи Вильгельмины. Брак состоялся 31 октября 1797 г. Два года спустя Александра Павловна вступила в брак с эрцгерцогом палатином Венгерским Иосифом¹⁹.

Внезапная смерть прервала в 1801 г. жизнь великой княгини, но не сумела остановить ее благотворное влияние на всех, кто любил эту женщину, писали историки²⁰. Александра Павловна часто бывала в местечке Урем, расположенном близ Будапешта, и завещала похоронить себя на местном кладбище, где в 1803 г. была установлена часовня.

Судьба приготовила шведскому королю неприятный сюрприз в недалеком будущем. В марте 1809 г. в период последней русско-шведской войны внутреннее положение Швеции было настолько серьезным, что в стране созрел заговор против короля, в результате которого Густав IV Адольф был свергнут с престола. В итоге последней Русско-шведской войны 1808–1809 гг. Швеция навсегда потеряла Финляндию²¹.

¹ Larsson A. Sammansvärjningen mot Gustav III. 1959.

² Массон Ш. Россия в мемуарах. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С. 18–19

³ Густав IV и великая княжна Александра Павловна (составлено по шведским источникам) // Русский архив / изд. П. Бартеневым. М., 1887. Кн. 1. Т. 1. С. 58–59 (далее — Русский архив. М., 1887.)

⁴ Д. Хвостов А.В. Суворову от 13 апреля 1792 г. // Архив А.В. Суворова. Ф. № 755. Т. 8 (Суворовский сборник). Д. № 53ю Л. 64.

⁵ Русская старина. М., 1879. Кн. 3. С. 540.

⁶ Русский архив. М., 1887. С. 61–62

⁷ Письма Екатерины к герцогу Зюдерманландскому, регенту Швеции. 1792–1794 гг. // Русский архив / изд. П. Бартеневым. М., 1879. Т. 24. С. 533–538.

⁸ Русский архив. М., 1887. С. 61–62.

⁹ Там же. С. 65–66.

¹⁰ О поездке шведской делегации в Петербург // Русский архив. М., 1876. Ч. 1. С. 410.

¹¹ Екатерина II барону М. Гримму от 10 апреля 1795 г. // Русский архив. М., 1878. Ч. 3. С. 220.

¹² Русский архив. М., 1887. С. 75.

¹³ Письмо Г.Р. Державина к князю Н.Б. Юсупову. Песнь на случай помолвки // Русский архив, М., 1896. Ч. 1 (2). С. 188–189.

¹⁴ La Comtesse Brevern de la Gardie. Un Ambassadeur de Suede a la cour de Catherine II. Feld Marechal Comte de Stedingk. Choix de depeches diplomatiques, rapports secrets et lettres particulieres de 1790 a 1796. Sthlm., 1919. Del. 2. S. 166

¹⁵ Записка современника гр. Ростопчина, составленная для графа С.Р. Воронцова (11 сентября) // Архив кн. Воронцова. VIII. С. 146; Канцлер князь А.А. Безбородко в связи с событиями его времени // Сб. РИО. 1881. Т. 29. С. 322.

¹⁶ Русский архив. М., 1887. С. 92–96.

¹⁷ Памятник новой русской истории, изд. В. Кашпиревым. СПб., 1871. Кн. 1. С. 327; Канцлер князь А.А. Безбородко в связи с событиями его времени // Сб. РИО. 1881. Т. 29. С. 321–322.

¹⁸ Pro-memoria (доклад) канцлера Спарре (3 мая 1797 г.) // Русская старина. 1885. Т. XLVIII. С. 245.

¹⁹ Чумиков А.А. Густав IV и великая княжна Александра Павловна // Русская старина. 1874. Т. 9. С. 277–300, 473–510.

²⁰ Воловик О. Александра: Жизнь. Семья. Судьба. Память. СПб., 2005.

²¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. 1. Т. I–VIII. М., 1960–1972. Т. IV. Док. № 34, 36, 47, 48, 58. С. 87, 90; примеч. 76, 77, 89, 90, 104.